

ципом отчуждения, и Гегель перенес его на структуру всей своей философской системы в целом (что было усилено и идущим от Фихте мотивом). Уже давно Гегель привлек этот принцип и к философии истории, но теперь изобразил в своей новой схеме исторического процесса преодоление отчуждения как очень трудный и медленный процесс. И здесь он оказался ближе к истине (а кто взял всерьез его «дипломатические» слова, будто в германском мире «все свободны»?).

И как отразилось все это на самой трактовке структуры противоречия? В ней усилились мотивы компромисса, которые методологически выразились не только в акценте на «основание», но и в стремлении считать синтезом сравнительно исходное состояние противостояния противоположностей. Это стремление наглядно выступает в сюжетах, весьма далеких от политики, как-то: истолкование «летающей стрелы» Зенона или дифференциал в анализе, на что обратил внимание Маркс в своих «Математических рукописях». В политике же это выступает как отказ от разрешения социальных противоречий: Гегель считает, что это — отказ от преждевременного или поспешного, органически не подготовленного их разрешения и замена несовершенного разрешения компромиссом. Следует признать, что компромиссы бывают различными, и среди них действительно бывают такие, которые в смысле дальнейшего прогресса наиболее плодотворны. Среди уроков истории есть и такие, которые говорят в пользу этого вывода Гегеля, хотя и не все уроки истории таковы.

И. КАНТ И ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

И. Ф. Абрамова

(Калининградский государственный университет)

Великая французская буржуазная революция 1789—1794 гг., начавшаяся 200 лет назад, оказала значительное влияние на социально-политические и правовые взгляды ее современников, живших не только во Франции, но и во многих других странах. Даже уже вполне сложившийся шестидесятилетний немецкий философ Иммануил Кант не избежал в своей литературной деятельности 90-х гг. XVIII в. существенного воздействия событий, происходивших во Франции. Именно тогда в его уже обширном и разнообразном творчестве появилась первая политическая статья «О поговорке: «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» (1793), трактат «К вечному миру» (1795), который можно считать политическим завещанием Канта, и «Метафизические начала учения о добродетели» (1797), тоже носящие ярко выраженный политический характер.

Революционные идеи, непосредственно связанные с борьбой нарождавшейся буржуазии и народных масс против феодализма, настолько глубоко и органично вошли в труды И. Канта, что это позволило К. Марксу охарактеризовать его философию как «немецкую теорию французской революции»¹. Народная, буржуазно-демократическая по своему характеру, Французская революция решительнее и основательнее, чем какая-либо другая из ранних буржуазных революций, покончила с феодально-абсолютистским строем и этим способствовала развитию прогрессивных для своего времени капиталистических отношений.

В указанных выше работах родоначальник немецкой классической философии не только критикует феодальный строй, но и обосновывает необходимость буржуазно-демократических преобразований, «объявляет неправомерной всю феодально-абсолютистскую действительность Германии, стоит за отмену решительно всех феодальных порядков, действующих в стране»².

Пользуясь широко распространенными в его время правовыми абстракциями — «естественное право» и «общественный договор», — Кант наполнил их вполне конкретным, даже революционным содержанием. Физиократы и идеологи французского Просвещения Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, П. Гольбах и некоторые другие на основе идеи «естественного права» начали критиковать феодальные порядки как противоречащие естественной справедливости. В их концепциях «естественное право» выступало в качестве принципов природы человека и его разума, которые должны найти свое отражение в действующих законах. Первый программный документ Великой французской революции — «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г. — провозгласил законными все естественные и неотъемлемые права человека, каковыми считались «свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению». «Декларация» гласила: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы. «Цель каждого государственного союза, — говорилось в ней, — составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека». Идея «общественного договора» воплощалась в «Декларации» провозглашением народного суверенитета — «закон есть выражение общей воли... все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его образовании». Все граждане считались равными перед законом, что открывало перед всеми «в равной мере доступ ко всем общественным должностям, местам и службам». «Декларация» утверждала свободу личности, совести, веротерпимости, слова и печати. Она устанавливала равномерное распределение налогов между всеми гражданами, отчетность и ответственность адми-

нистрации. Заключительная 17-я статья «Декларации» объявляла, что «собственность есть право неприкосновенное и священное», подчеркнув тем самым ее классово ограниченную сущность, но имела и прогрессивное, антифеодалное содержание, поскольку стремилась защитить крестьянскую и буржуазную собственность от покушения на нее феодалов³.

Следующий законодательный документ Великой французской буржуазной революции — конституция 1791 г. — явился шагом назад по сравнению с «Декларацией прав человека и гражданина». Во Франции устанавливалась конституционная монархия. Главой исполнительной власти являлся «божьей милостью и силой конституционных законов» король, наделенный довольно широкими полномочиями. Высшим органом законодательной власти объявлялось Законодательное собрание, избираемое двухстепенными выборами. Избирательная система строилась на основе имущественного ценза. Женщины были лишены избирательного права, а мужчины, в зависимости от их имущественного положения, делились на активных и пассивных граждан, которые и составляли большинство и не могли участвовать в выборах в Законодательное собрание, в департаментские и местные органы власти⁴.

Демократические принципы «Декларации прав человека и гражданина» частично были осуществлены лишь после свержения монархии 10 августа 1792 г. Аграрные декреты, принятые 14, 20—22 и 25—28 августа того же года, несколько улучшили бедственное положение крестьян, являвшихся важнейшей движущей силой Французской буржуазной революции. Созыв Национального конвента и провозглашение республики 22 сентября 1792 г. позволили объявить землю достоянием нации. В 1793 г., когда у власти находились якобинцы, была принята еще одна конституция, ставшая самой демократичной из всех известных конституций XVIII—XIX вв. Она базировалась на политических идеях Руссо — принципах свободы, равенства и народного суверенитета, которые лаконично сформулировал и развил Робеспьер в новой «Декларации прав человека и гражданина»⁵. К перечню свобод, провозглашенных в декларации 1789 г., добавлялись: право петиций, право собраний и право на восстание против правительства, нарушающего право народа, свобода религиозных культов, обязанность общества предоставлять работу неимущим, обеспечивать средства для существования нетрудоспособным, заботиться о просвещении всех граждан.

Сравнивая эти документы Великой французской революции с политическими воззрениями Иммануила Канта, нельзя не отметить прогрессивность идей великого немецкого философа. Элементы «прирожденной свободы», признаваемой Кантом, тождественны основным положениям революционной декларации прав. Главными принципами «правового общения» И. Кант

объявляет гражданские свободы и равенство всех перед законом. Требование категорического императива права: «поступай так, чтобы твоя свобода могла сосуществовать со свободой всех» (4(2), 268) *,— перефразирует 6-ю статью французской конституции 1793 г.: «Свобода — это принадлежащее человеку право делать все, что не вредит правам другого». Такое понимание свободы создавало экономические и политические предпосылки для развития капиталистических отношений.

И. Кант считает необходимым уничтожить самые корни феодализма, ликвидировав все виды феодального землевладения. Он даже оспаривает право государя на землю: «Земля не является частноправной, а принадлежит только народу... Верховный повелитель не может иметь доменов, т. е. земельных угодий для частного пользования». (4(2), 247). Выступал И. Кант и против наследственных привилегий дворянства. На свой собственный вопрос: «В праве ли суверен основать дворянское сословие как наследственное, занимающее промежуточное положение между ним и прочими гражданами?» — Кант ответил решительно: «Нет». «Человек благородной крови не есть тем самым благородный человек» (6, 268),— считал он. Противоправным представляется И. Канту и произвол верховного правителя в вопросе о назначении на государственные должности. Он защищал свободу печатного слова, которую рассматривал как «единственный палладиум прав народа», но тем не менее ограничивал эту свободу «рамками глубокого уважения и любви к своему государственному устройству» (4(2), 95). Вероисповедание И. Кант рассматривал как «внутреннее дело совести каждого гражданина», в которое государство вмешиваться не вправе.

Все это доказывает, что Кант стоял на передовых для своего времени позициях. Однако нередко его обвиняют в том, что он не делал «таких решительных революционных выводов, к каким пришли прогрессивные мыслители во Франции, особенно Ж.-Ж. Руссо и его последователи»⁶, т. е. Марат и Робеспьер. Прежде всего это касается теории «общественного договора». По Руссо, условием возникновения государства являются добровольные соглашения свободных граждан. Условием же свободы, с его точки зрения, является равенство не только политическое, но и имущественное, которое обязано охранять государство, не допуская поляризации богатства и нищеты. И Марат, и Робеспьер осуждали закрепленный конституцией имущественный ценз, ограничивающий избирательные права граждан.

* Здесь и во всех статьях сборника ссылки на сочинения И. Канта по изданию: Кант И. Сочинения. В 6 т. М., 1963—1966 — даются в тексте в круглых скобках (цифра до запятой означает том, после запятой — страницу).

Канта же критиковали и продолжают критиковать за деление граждан на активных, самостоятельных, и пассивных, которые существенно зависят от воли других. К таковым Кант относил подмастерьев, приказчиков, служащих, рабочих, оброчных крестьян, домашнюю прислугу, т. е. людей, не владеющих собственностью, которую он рассматривал как одно из основных прав человека. Все пассивные граждане, по его мнению, могли бы приобрести самостоятельность, но до тех пор, пока это не произойдет, они должны быть лишены избирательного права. Тем не менее исторически такая точка зрения была прогрессивной, соответствовала передовым политическим идеям эпохи, о чем свидетельствует подобное деление граждан, закрепленное в якобинской конституции. Идеи же Руссо и его последователей даже их сотрудники по борьбе считали несколько преждевременными в данный момент.

Та же теория «общественного договора» послужила обоснованием идеи народного суверенитета, народовластия, где законы непосредственно принимаются собранием всех граждан, что давало народу право отказать в повиновении главе государства, если он нарушает «общественный договор». И. Кант придерживался совершенно иной точки зрения по этому вопросу: «Если даже власть или ее исполнитель, глава государства, нарушит первоначальный договор и тем самым, по мнению подданных, утратит право быть законодателем, так как уполномочивает действовать правительство совершенно насильственно (тиранически), то все же подданному не разрешается никакое сопротивление как ответ насилем на насилие» (4(2), 90). Запрет восстания И. Кант объясняет так: «...добываясь таким способом своего права, народ совершает величайшую несправедливость, ибо этот способ (если его принять в качестве максимы) делает ненадежным всякое правовое устройство и приводит к состоянию полного отсутствия законности (*status naturalis*), где всякое право, по меньшей мере, перестает иметь действие» (4(2), 92). Таким образом, любое восстание народа против существующего порядка И. Кант рассматривал как действие противоправное. Однако, как сам он указывал: «Если права народа попораны, то низложение его (тирана) будет справедливым» (6, 303).

Очевидно, что Кант перенес решение этих важнейших политических проблем в область этики, морали и права. К. Маркс охарактеризовал это так: он «...превратил материально мотивированные определения воли французской буржуазии в *чистые* самоопределения «*свободной воли*», воли в себе и для себя, человеческой воли, и сделал из нее таким образом чисто идеологические определения понятий и моральные постулаты»⁷. Вот почему концепция Канта была названа «немецкой теорией французской революции».

В современной Иммануилу Канту Германии еще не сложи-

лось революционного третьего сословия, не было сколько-нибудь сильной политической оппозиции, поэтому идеи Французской буржуазной революции не могли быть на практике осуществлены в этой экономически и политически отсталой стране, а единственной формой сопротивления могла стать борьба идеологическая. Гуманизм и стремление преобразовать существующую действительность в лучшую и более разумную, свойственные немецкому Просвещению, до Канта носили скорее утопический характер. «Появление кантовского учения о праве и государстве,— как отмечает Е. В. Поликарпова,— стало переломным моментом в развитии политического сознания передовой буржуазной интеллигенции Германии. Кант стал для Германии нового времени первым политическим писателем, противопоставившим отвлеченным мечтам немецкого Просвещения конкретные принципы буржуазного правового государства. Его заслуга — в обосновании программы буржуазно-демократических преобразований»⁸. Оценивая отношение И. Канта к Великой французской буржуазной революции, практически все исследователи отмечают его противоречивость. С одной стороны, как указывали современники великого философа, он восторженно приветствовал происходившие во Франции события, жадно прочитывал сообщения о них в газетах, а все разговоры непременно сводил к их обсуждению. С другой же стороны, революцию он охарактеризовал как действие противоправное, не подлежащее одобрению.

Некоторые возвели этот так называемый революционный парадокс Канта в разряд антиномий, где «и тезис и антитезис можно доказать одинаково ясными и неопровержимыми доказательствами» (4(1), 161).

Другие же попытались пролить свет на природу столь явного противоречия. Так, например, П. Н. Галанза полагает, что в общем и целом для Канта характерно «отрицательное отношение к революции» как действию противоправному, что великий философ являлся «только сторонником буржуазно-либеральных реформ, не колебавших господствующего положения феодального класса Германии»⁹. Тем не менее, как уже показано, И. Кант стоял за отмену решительно всех порядков, действовавших в феодальной Германии. Правда, он не считал, что достичь этих изменений необходимо только путем революции.

Отметив, что на первом этапе Кант «открыто выразил свое восхищение французской революцией», П. Н. Галанза указывал, что со временем в трудах этого философа «решение политических вопросов носило все более консервативный характер»¹⁰. Объяснял он этот факт тем, что «языком Канта говорил страх перед плебейской расправой с феодалами, проведенной во Франции, на который накладывается общее усиление политической реакции в самой Пруссии»¹¹. Доказательством ему

служит анализ работ 90-х гг., где от требования гарантии безопасности для бывшего монарха (см. 6, 304) И. Кант переходит к осуждению восставшего, как виновного в преступлении, государственной измене, как человека, пытавшегося погубить свое отечество (4(2), 241).

Вероятно, И. Кант имел в виду вовсе не поворот в сторону реакции, а просто до конца развил свою теорию, первоначально изложенную лишь в виде тезиса. Исходя из того, что любое восстание или революция представляют собой правонарушение, Кант должен был предусмотреть и наказание за него. Однако этого не происходит: «Но если бы даже бурей революции, вызванной дурным устройством, было бы неправомерно достигнуто более законосообразное устройство, то и тогда нельзя считать дозволенным вернуть народ к прежнему устройству, хотя при этом устройстве каждый, кто прибегал к насилию, по праву мог бы быть наказан как мятежник» (6, 293). Считая необходимым предоставить бывшему сюзерену гарантию, что он не будет привлечен к ответственности за прежнее дурное управление, И. Кант одновременно отказывал ему и в праве поднимать контрреволюцию против стихийно победившей революции: «Если бы народу удалось восстание, то глава должен был бы вернуться к положению подданного и не поднимать восстание с целью взять власть, но и не следует бояться, что его привлекут к ответственности за его прежнее управление государством» (6, 304).

Более того, общественный строй, достигнутый в результате восстания в Швейцарии, Нидерландах и Великобритании, с точки зрения И. Канта, справедливо было считать весьма удачным. Патриархальному деспотическому правительству, существовавшему в Германии, Кант противопоставлял справедливое «патриотическое» правительство. Несомненно, под таковым он подразумевал революционное правительство Франции, поскольку в это время французских революционеров называли «патриотами».

В конце 1792 г., когда в Германии уже поутихли восторги по поводу «зари свободы и торжества прав человека» и началось клеймение народных масс за их жестокость, когда появились высказывания о том, что чернь не созрела для свободы, И. Кант дал отповедь столь робкому и неустойчивому общественному мнению. Он указал, что созреть для свободы может лишь тот, кто добудет себе эту свободу, что первые шаги на ее поприще неизбежно должны отличаться грубостью и жестокостью там, где народ раньше привык только повиноваться.

Тогда же И. Кант прочел в переводе Гентца книгу Берка «Размышления о французской революции», теоретически доказывающую правоту тех, кто, испугавшись революционной грозы, морально поддерживал интервенцию во Франции стран коалиции, имевшей целью восстановление монархии.

Если бы великий немецкий философ устранился расправы над Людовиком XVI, который был гильотинирован 21 января 1793 г., то он бы не опубликовал в конце сентября того же года свою первую политическую статью «О поговорке: «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики», в которой принципы государственного устройства, кажущиеся Канту справедливыми и правомерными, почти полностью совпадают с программой Французской революции. После обнародования манифеста герцога Брауншвейгского, когда прусская армия взяла в болотах Аргонны, присоединившись к войскам коалиции, И. Кант смело поставил вопрос: «Могут ли другие державы образовать союз в поддержку свергнутого государя для того, чтобы не оставить безнаказанным преступление, совершенное народом, и чтобы оно не было соблазном для других государств? Имеют ли они право и призваны ли силой возвращать государственное устройство любой другой страны, возникшее в результате революции, в прежнее состояние?» (4(2), 246).

Ответ, данный Кантом, довольно пространный и опять переносит нас из исторической реальности в область международного права, но он совершенно однозначен. Говоря о союзе народов, И. Кант подчеркивает, что «согласно идее первоначального общественного договора необходим союз народов не для того, конечно, чтобы вмешиваться во внутренние раздоры другой стороны, а для того, чтобы оказать друг другу помощь при нападении внешних врагов» (4(2), 270). А рассуждая о целях войн, Кант категорически заявляет: «Ни одна война между независимыми государствами не может быть карательной войной (*bellum punitivum*)» (4(2), 274).

Более того, оценивая события Французской революции по прошествии нескольких лет, в «Споре факультетов» (1798). И. Кант признает ее явлением исторически необходимым, прогрессивным фактором, ведущим к более совершенному строю. Кант обращается к «событию нашего времени», которое «доказывает моральную тенденцию человеческого рода» к совершенствованию, к прогрессу. «Революция одного одаренного народа, которую мы видели в наши дни, пусть она будет удачна или нет, даже если она сопровождается такими несчастьями и ужасами, что добропорядочный человек не решился бы второй раз даже удачно проделать такой эксперимент за счет стольких жертв,—заявляет И. Кант,—эта революция, скажу я, встречает у зрителей (которые не сами участвуют в игре) такое сочувствие, которое граничит с энтузиазмом»¹². Не боится он и предсказать «повторение революционных взрывов» в будущем, «ибо данное событие слишком огромно, слишком переплетено с интересами человечества и по своему влиянию слишком распространилось на все части мира, чтобы народы не вспомнили о нем при благоприятной возможности и чтобы не были возобновлены попытки подобного рода»¹³.

Столь высокая оценка, данная И. Кантом Великой французской буржуазной революции, дала основание Ю. Я. Мошковской считать, что Кант был «совершенно последователен, когда с поразительной смелостью взялся за защиту не только теории французской революции, но и ее практики»¹⁴. Разделяют это мнение и исследователи из ГДР. «Кантовское признание французской революции — не случайность», — утверждают они. Это не раз подчеркивается проблематикой его философии, соответствует ее исходной и конечной целям»¹⁵.

Е. В. Поликарпова тоже отмечает, что взгляды Канта не становились со временем более реакционными, а просто его позиция «совпадала с позицией той крупной и средней французской буржуазии, чьи интересы отстаивали в 1789—1791 гг. Барнав, Дюпре, Ламетье, в 1792 г. — Бриссо, Кондорсе, Ролан, Гаде»¹⁶. Эта «солидная и умеренная буржуазия», как ее определял В. И. Ленин, была позднее на время отодвинута в сторону¹⁷, и на сцену вышли парижские санкюлоты, их идеологи и организации. Именно их взгляды и отличались той радикальностью, которой не было у И. Канта. Таким образом оказывается, что даже колебания и противоречия кантовской теории государства и права отражали колебания и противоречия в развитии самой буржуазной революции во Франции, отражали саму специфику буржуазной революции с присущими ей полочнчатостью, ограниченностью, непоследовательностью.

Л. А. Калинин, не ограничиваясь простой констатацией противоречивости в отношении Канта к Французской революции, вскрывает ее причины и философский смысл этой противоречивости¹⁸.

И. Кант рассматривает события во Франции как «феномен не революции, а эволюции естественно-правовой конституции»¹⁹, т. е. как звено в цепи непрерывного прогресса легальности, усиливающей моральность общества. Достижение политических свобод, хотя бы в их буржуазно-ограниченном толковании, и позволило ему дать в целом оптимистическую оценку революции и ее возможностей.

Однако, будучи идеалистом и стоя на метафизических позициях, Кант был не в состоянии разглядеть основного смысла революции — качественного скачка в развитии общества — перехода от феодальной формации к буржуазной. Общество, с его точки зрения, не претерпело качественных изменений, а лишь медленно эволюционировало, заставляя отчасти переориентировать существовавшую до этого систему моральных норм и ценностей.

В своем отношении к Французской революции, ее ходу и последствиям И. Кант оставался идеалистом, стремящимся к просветительству и постепенному нравственно-правовому совершенствованию общества, которое в идеале должно было бы происходить путем реформ, проводимых главой государства;

однако даже ему уже было очевидно, что сильные мира сего не будут особенно стремиться к выполнению своего нравственного долга, из чего вытекала закономерность и неизбежность революций.

Великая французская буржуазная революция осуществила на практике то, что было созвучно идеям Канта о справедливом устройстве правового государства. И если кантианство в собственно философском плане в первой половине XIX в. утратило свое влияние, то в области права и учения о государстве влияние И. Канта никогда не исчезало, а с 20—30-х гг. прошлого столетия все более возрастает. Анализ кантовских трудов, посвященных этим вопросам, актуален и сегодня, особенно для нашего общества, в котором идет разработка основных положений концепции социалистического правового государства.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Философский манифест исторической школы права//Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 88.

² Поликарпова Е. В. Учение И. Канта о праве и государстве: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1973. С. 4.

³ См.: Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв. М., 1957. С. 250—252, С. 330—333.

⁴ См.: La Constitution française, proclamée le 18 septembre 1791. Strasbourg s. a.

⁵ См.: Constitution française, précédée de la Déclaration des droits de l'homme et du citoyen, décrétée par la Convention Nationale de la France en 1793 et présentée à l'acceptation du peuple français. Paris. l'an II.

⁶ Галанза П. Н. Учение И. Канта о государстве и праве. М., 1960. С. 4.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Философский манифест исторической школы права//Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 88.

⁸ Поликарпова Е. В. Указ. соч. С. 6.

⁹ Галанза П. Н. Указ. соч. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Там же. С. 56.

¹² Кант И. Спор философского факультета с юридическим//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1981. Вып. 6. С. 104.

¹³ Там же. С. 104.

¹⁴ Мошковская Ю. Я. Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. М.; Л., 1941. Гл. 6. С. 338.

¹⁵ Manfred Buhr, Gerd Irrlitz. Der Anspruch der Vernunft. Die klassische bürgerliche deutsche Philosophie als theoretische. Quelle das Marxismus. Teil I. Berlin, 1968. S. 16.

¹⁶ Поликарпова Е. В. Указ. соч. С. 17.

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 226.

¹⁸ Калининников Л. А. Теория революции в «критической философии»//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1981. Вып. 6. С. 104.

¹⁹ Кант И. Указ. соч. С. 104.

ЛОГИЧЕСКОЕ КАНТОВЕДЕНИЕ

В последнее время в ряде наук когнитивного цикла (логика, лингвистика, психология, «искусственный интеллект») возникла потребность в новых идеях, источник которых был обнаружен в традиционных философских концепциях, а развитие логики и лингвистики предоставило в распоряжение ис-

следователей новые методы анализа текстов и содержащихся в них рассуждений. Перспективность такого рода исследований навела калининградских кантоведов на мысль, что соответствующее времени развитие кантоведения должно учитывать новые тенденции, возникшие на стыке изучения традиционных философских концепций и наук когнитивного цикла. Из этого осознания и некоторых организационных усилий, направленных на его воплощение в жизнь, возникло направление в историко-философской науке, которое получило название «логическое кантоведение». Это направление в настоящее время включает исследования двоякого типа: во-первых, раскрытие эвристического потенциала кантовской философии для современных исследований по логике и смежным областям знания и, во-вторых, применение разработанных в логике и лингвистике точных средств для анализа структуры кантовских текстов и рассуждений. В качестве организационной поддержки таких исследований было решено провести серию семинаров, посвященных логико-лингвистической проблематике в кантоведении. Открыл эту серию семинар «Наследие Канта и современные логико-лингвистические исследования» (Калининград, 12—13 ноября 1987 г.). К логическому кантоведению относится также работа секции «Философия Канта и современные логико-методологические исследования» в рамках IV Кантовских чтений, посвященных 200-летию юбилею «Критики практического разума» (Светлогорск Калининградской обл., 12—14 октября 1988 г.). В проведенных обсуждениях доминировали четыре темы: 1) философия Канта как источник идей для современных исследований по логике и «искусственному интеллекту»; 2) роль философии Канта в становлении современных логико-философских концепций; 3) исследование текстов Канта при помощи логико-лингвистических средств; 4) анализ смысла терминов и характера рассуждений в философии Канта с помощью текстологического и сравнительно-исторического методов. Первые шаги логического кантоведения в Калининграде показали, что постепенно формируется научное направление, открывающее новые связи философской традиции с современностью, обещающее дать целый комплекс плодотворных идей для развития современной логики и смежных с ней областей знания и, возможно, знаменующее новый этап в изучении текстов самого Канта.

В настоящем разделе сборника мы представляем первые результаты исследований в области логического кантоведения.

Следующий шаг — проведение в сентябре 1989 г. очередного теоретического семинара «Логическое кантоведение-2: Логика практического разума». На этом семинаре рассматривались связи кантовской практической философии с областями логики, учитывающими особенности рассуждений о действиях человека и компьютера, о ценностях, нормах, императивах и т. п., а также примененные логико-лингвистических средств к анализу корпуса кантовских текстов по практической философии.

Редколлегия.

ИММАНУИЛ КАНТ И СОВРЕМЕННАЯ ЛОГИКА

В. А. Смирнов
(Институт философии АН СССР)

Логика в своем развитии всегда обращалась к истории философской мысли. Это стало традицией. С одной стороны, результаты логики опробовались при решении тех или иных философских проблем, а с другой стороны, обращаясь к различным философским учениям, логика черпала в них новые идеи, получала дополнительные стимулы для развития новых направлений. Хорошо известно, что целый ряд направлений